

А. Л. ШАПИРО

ВОЛНЕНИЯ СТАРОРУССКИХ КРЕСТЬЯН В 1671 г.

I

Сведения о восстании Степана Разина быстро распространялись по всему лицу русской земли. Более того, есть известия, что Разин заслал «прелестные письма» за фальшивой подписью бывшего патриарха Никона даже в карельские и ижорские деревни, находившиеся тогда за шведским рубежом.¹ Трудно сказать, попали ли подобные письма в расположенный недалеко от шведского рубежа Старорусский уезд. Но нам хорошо известно, что крестьяне этого уезда были в 1671 г. сильно возбуждены, а их борьба с феодалами приобрела более острый, чем в обычное время, характер.

Одиннадцать старорусских погостов были в середине 50-х годов переданы из государева владения во владение основанного Никоном и принадлежавшего ему как патриарху Иверского монастыря. Монастырские власти получали со старорусских крестьян пятинный хлеб, оброк и годовых работников, а кроме того требовали подвод и рабочую силу для строительства новых монастырских зданий и для других нужд монастыря, приказывали доставлять к своим соляным варницам в Старой Руссе бревна и взимали «мелкий доход»: масло и мясо, грибы и ягоды, лен и шерсть, «нити швальные» и «нити неводные», лапти, лыко, вожжи и веревки.

В 1657 г. крестьяне били челом о замене всех монастырских доходов и годовых работников денежным оброком. Монастырь со-

¹ Об этом в 1670 г. шведские генералы Врангель и Тотте сообщили в Риге полковнику русской службы Стадену. См.: С. М. Соловьев. Русская история с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, стр. 525. — Правда, на запрос царского правительства шведская сторона ответила, что «воровского листа» Степана Разина «в тех Карельской и Ижорской землях и в иных королевского величества городех отнюдь нет и не бывало» (Кр. война, т. III, стр. 286).

гласился на эту замену и установил платеж с вотчины в размере 3000 руб. в год. К денежному оброку был добавлен хлебный в размере 500 четвертей (300 четв. ржи, 150 — овса и 50 — жита).²

Однако тотчас же после установления этого «договорного оброка» к крестьянам стали предъявлять и другие требования: доставлять в Старую Руссу «к варничному строению» 1500 бревен, ставить подводы под соль, канусту и известь, присылать в Валдай работников к монастырскому строению, приносить «к празднику христова воскресенья» яйца, собирать ягоды, «делать пастилы» и варить морс, выделять рыбных ловцов, ловить живых журавлей и отбывать другие повинности.³

Крестьяне жаловались на беззастенчивое нарушение монастырем договора и сообщали о побегах от несправедливых и обременительных податей. Уже в 1659 г. представители монастырской администрации сами должны были признать, что «крестьяне гораздо оскудели». Старост тогда били на правееже «дни с три», сбили их с ног, а они все твердили: «Хотя де нас убейте до смерти, и нам дать стало нечего, потому что во крестьянех стала скудость большая».⁴

В 1661 г., когда наводнение и недород особенно подорвали платежные силы старорусских крестьян, они обратились с коллективной челобитной к самому Никону, чтобы он пожаловал «своих бедных людишек погоплых и пужных» и велел им «в оброке и в податех ослабление даровать».⁵ После тщательного расследования Никон распорядился сократить в 1661 г. денежный оброк с 3000 до 2000 руб.⁶

Можно было бы добавить многие другие факты, свидетельствующие об обидах и притеснениях, чинимых Иверским монастырем, о недовольстве старорусских крестьян и об их челобитных.

Отметим только, что до 1671 г. эти челобитные не содержали просьбу об отнятии старорусских погостов у монастыря (хотя крестьяне несомненно хотели избавиться от нового владельца и отдавали предпочтение старым формам зависимости непосредственно от государя). А подача челобитных не сопровождалась в 50—60-е годы отказом старорусских крестьян повиноваться монастырским властям и их изгнанием из вотчины. Иначе развернулись события в «бунташном» 1671 г.

² Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 3, № 107.

³ Там же, кор. 6, № 38, сст. 2, 7, 12, 13, 22.

⁴ Там же, № 52, сст. 2, № 52а, сст. 1.

⁵ Там же, кор. 8а, № 59.

⁶ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2. 1912, стр. 175.

Наряду с владельческими повинностями старорусские крестьяне отбывали, конечно, и государственные. В 1670 г. в их числе был сбор по полтине с переписного двора «вместо даточных». Кроме того, вероятно в связи со значительными расходами на подавление народного восстания, правительство назначило чрезвычайный сбор «ратным людям на жалованье на 179 год» по 2 гривны с крестьянского и бобыльского двора. К новому, 180-му году, т. е. к 1 сентября 1671 г., полтинные и двугривенные деньги далеко еще не везде были собраны. В одиннадцати погостах Старорусского уезда, принадлежавших Иверскому монастырю, «недобрано было» тех «государевых денег» по 40¹/₂ коп. с двора.⁷

Для сбора недоимки монастырские власти послали своих слуг и рассыльчиков. По свидетельству крестьян, они требовали уже не по 40¹/₂, а по 44 коп. с двора, да сверх этих денег собирали с двора еще по 3¹/₄ коп. Когда крестьянин дер. Острова Славитинского погоста Семен Шуровской заявил, что нельзя брать оброки и налоги сверх того, что установлено монастырскими властями и государем, слуги и рассыльчики стали угрожать ему «и хотели ево бить без властелинского ведома».

Уйдя от расправы, Семен Шуровской направился в Старую Руссу. Он говорил, что сделал это, чтобы подать челобитную при казному старцу Иоилу, ведавшему тамошними иверскими вотчинами. Но, не застав Иоила, он подал челобитную старорусскому воеводе Ивану Павловичу Боборыкину.⁸

Иверский монастырь был не в ладах со старорусским воеводой. И. П. Боборыкин доносил в 1671 г. в Москву, что монастырские власти и монастырские крестьяне «вино курят и пиво варят безпрестанно и не явят». И многие крестьяне «заповедное вино и табак держат». Кроме того, иверские власти завладели «неведомо по какому указу» государевой деревней Дераково, а монастырские крестьяне отхватили у крестьян соседнего с ними государева Лоского погоста разные земли и пустоши.⁹

В свою очередь монастырские власти жаловались на Боборыкина, который «отказал из за монастыря» и приписал к Лоскому погосту целый ряд деревень и пустошей. Монахи жаловались на то, что Боборыкин приписал лежащие возле Старой Руссы

⁷ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 92, сст. 1 (челобитная архимандрита Иверского монастыря с братьей царю; 2 октября 1671 г.). — Так как фонд № 181 в настоящее время описывается и при этом меняются шифры многих дел, для облегчения их разыскания в будущем указывается по возможности точная датировка документов.

⁸ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 68 (список с допроса Семена Шуровского в Новгородской приказной избе; не ранее декабря 1671 г.).

⁹ Там же, кор. 33, № 78, сст. 1—3 (список с отписки И. П. Боборыкина царю; не ранее 1 сентября 1671 г.).

иверские деревни к городу, и на то, что в конфликтах монастыря с городом он всегда поддерживает посадских людей.¹⁰

Иверский монастырь добился, чтобы его старорусские вотчины были исключены из ведения старорусского воеводы. Крестьян этих вотчин велено было «судом и управою ведать в Великом Новгороде». Это было ударом не только по престижу, но и по карману старорусского воеводы.

И. П. Боборыкин был внуком окольного Никиты Михайловича Боборыкина, у которого в 1661 г. возник конфликт с Воскресенским монастырем, подобно Иверскому монастырю основанном патриархом Никоном и принадлежавшим ему. С разрешения или даже вследствие подстрекательства патриарха крестьяне Воскресенского монастыря убрали и захватили большое количество хлеба на боборыкинских землях. Но то, что сошло бы благополучно в период могущества Никона, сейчас обернулось против него. Н. М. Боборыкин был поддержан царем, и монастырь и Никон признаны были повинными в незаконных действиях.¹¹

Боборыкины помнили, что в конце 1666 г., когда Никон был лишен за свои вины патриаршего сана и превращен в простого монаха, велено было Иверскому и другим монастырям «не быти», а грамоты на владение вотчинами были у них отняты. Правда, уже в 1668 г. царь восстановил эти монастыри и вернул им большую часть их владений.¹² Но в 1670 г. Никон был заподозрен в новых тяжких преступлениях. Его обвиняли в том, что он не задержал прибывших к нему в Ферапонтов монастырь посланцев Степана Разина и не сообщил никому об их прибытии. Царь Алексей Михайлович подозревал Никона даже в отправке к Степану Разину своего посланца — старца Сергея. В письме к боярам от июня 1671 г. о допросе Разина царь требовал выяснения, приезжал ли «по зиме нынешней» старец Сергей в лагерь восставших.¹³

В связи с тем что бывший патриарх подозревался в сношениях с Разиным, Никита Матвеевич Боборыкин надеялся (а может быть, и слышал от других), что бывшие никоновские монастыри вновь окажутся опальными. Что-то на этот счет он написал и своему внуку в Старую Руссу. Во всяком случае, в одной из челобитных Семена Шуровского и других старорусских крестьян говорится, что воевода Иван Боборыкин ссылался в разговоре с ними на письмо своего деда, согласно которому все жалованные

¹⁰ Об этих конфликтах в конце XVII в. см.: А. Г. Маньков. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. Истор. зап., т. 64, 1959, стр. 217—232.

¹¹ С. М. Соловьев. Русская история..., кн. VI, стр. 224, 231.

¹² Акты Иверского святоозерского монастыря. РИБ, т. 5, стб. 1048—1049.

¹³ С. М. Соловьев. Русская история..., кн. VI, стр. 278; Кр. война, т. III, стр. 81.

грамоты Иверскому монастырю и все его крепости на вотчины взяты к «великому государю в верх».¹⁴

Когда 1 октября 1671 г. Семен Шуровской пришел к воеводе И. П. Боборыкину, тот сказал ему, что всем старорусским крестьянам следует подписать челобитную на имя государя и просить, чтобы их отняли у Иверского монастыря и разрешили жить «по-прежнему за великим государем». При этом Боборыкин якобы сказал, что без жалованных грамот и крепостей «стоять им (монастырским властям, — А. Ш.) об вас не по чем».

Шуровской немедленно сообщил о своем разговоре с воеводой крестьянским старостам старорусских погостов — Федору Федорову сыну Смыслу и Артемию Никифорову сыну Кенотолицкому. Старосты вместе с Шуровским и еще тремя крестьянами отправились к воеводе и услышали от него подтверждение ранее сказанного. Воевода обладежил крестьян и заверил их в том, что «как де у них будет заручное челобитье, и их де великий государь пожалует тотчас, велит быть по-прежнему в тягле за собою великим государем».¹⁵

Воевода пообещал крестьянам, что сам он и его влиятельные родственники в Москве походатайствуют за них. В свою очередь, старосты посулили воеводе «ото всех крестьян» 1000 руб. Таким образом, И. П. Боборыкин рассчитывал использовать невыгодную, по его мнению, для Иверского монастыря политическую конъюнктуру не только для возвращения старорусских вотчин в разряд находившихся под его непосредственным управлением государевых владений, но и для того, чтобы содрать с крестьян весьма солидную по тем временам взятку.

К этому времени в Старую Руссу на Покровскую ярмарку (праздник покровы богородицы — 1 октября) съехалось много крестьян из всех 11 погостов, и старосты сообщили мирским людям содержание воеводских речей.

Что воевода Боборыкин имел отношение к подготовке крестьянской челобитной на царское имя, подтверждается не только множеством показаний крестьян, но и тем обстоятельством, что составлялась челобитная в Земской избе. Правда, впоследствии И. П. Боборыкин писал царю: монастырские власти «крестьян своих бьют и мучат и велят им говорить на меня холопа твоего, будто я их научил бить челом тебе великому государю». Но это писалось уже тогда, когда старорусский воевода узнал, что Иверский монастырь пользуется полной поддержкой в Москве, а его, воеводы, действия вызвали там недовольство.

Есть свидетельства крестьян о позиции И. П. Боборыкина, которые трудно заподозрить в том, что они были вынуждены мо-

¹⁴ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 30, сст. 1а—2а (челобитная Семена Шуровского с товарищами царю; не позднее 14 декабря 1671 г.).

¹⁵ Там же, № 68 (список с допроса Семена Шуровского в Новгородской приказной избе; не ранее декабря 1671 г.).

настырскими властями или давались, чтобы снять с себя вину. Так, 3 октября 1671 г. на вкладном дворе Иверского монастыря в Старой Руссе староста минувшего 179-го года (1670—1671 гг.) Томил Антипов заявил, что воевода прислал к нему пушкаря Ивана Тарасовича Воротникова «и тот де Ивашка мне Томилики заказывал, а сказал, что де воевода Иван Павлович тебе старосте на крестьянх Иверского монастыря монастырских оброков и мирских разубов имать и править не велел».¹⁶

Думаю, что это заявление Томила Антипова не было инспирировано монастырскими властями, — во-первых, потому, что сказка адресовалась в монастырь, а не из монастыря, и, во-вторых, потому, что в документах, исходивших от монастыря, всегда доказывалось, что Боборыкин уговаривает крестьян не платить монастырские и государственные повинности (это должно было выглядеть особенно одиозно в глазах правительства). Антипов же говорит только о монастырских повинностях и мирских разубах. Следует также учитывать, что Антипов не был под следствием и ни в чем не обвинялся. Таким образом, у него не было причин прикрываться именем Боборыкина.¹⁷ Вряд ли можно сомневаться в том, что старорусский воевода И. П. Боборыкин обнадежил крестьян и укреплял их веру в переход в разряд государственных.

Шуровской говорил, что в составлении челобитной участвовали его товарищи и многие мирские люди, имен которых он не помнит. Челобитную писали «не по один день», а когда написали, «в суйме всем мирским людем прочитали и мирские люди к той челобитной руки прикладывали».

Мы не располагаем ни подлинником, ни копией этой челобитной, но основное ее содержание знаем. Крестьяне сами позже писали Новгородскому митрополиту Питириму, что в своей заручной мирской челобитной великому государю они жаловались на архимандрита Иверского монастыря Феодосия с братьею и на приказных старцев, которые «весь околорусской уезд 11 погостов великими оброки и податями и великими насилствы и болшими налогами разогнали в рознь и розорили без остатку». Главная же просьба крестьян заключалась в изыттии их из-под власти монастыря и возвращении в разряд государевых.¹⁸

¹⁶ Там же, № 39, сст. 1—2 (челобитная Ивана Боборыкина царю; не ранее октября 1671 г.), № 78, сст. 4—5 (список со сказки бывшего старосты Томила Антипова; 3 октября 1671 г.).

¹⁷ Когда в середине октября новгородский воевода послал в Старую Руссу стрелецкого сотника, чтобы арестовать и привезти в Новгород Ивана Воротникова для следствия, И. П. Боборыкин не выдал его, сказав, что посылает с отписками в Москву. Очевидно, воевода опасался, что его стрелец подтвердит показания старосты Томила Антипова. См.: там же, № 115, сст. 16 (доношение сотника Л. Аристова новгородскому воеводе И. П. Пронскому; 20 октября 1671 г.).

¹⁸ Челобитная новгородскому митрополиту Питириму бедных и до конца разоренных сирот государевых околорусского уезду 11-ти погостов старост Мокейки Афонасьева и Ларьки Панфилова и всех крестьянишек

Когда подписывалась челобитная царю, часть жалобщиков начала колебаться. Старосты Артемий Конотопицкий и Федор Федоров, которые должны были выступать от имени всех крестьян (руки к челобитной «вместо себя и всех крестьян прикладывать»), просто сбежали. Впоследствии они уверяли, что вообще «к тому ложному челобитью не приставали», что во всем виноваты Семен Шуровской, Федул Губанов, Никита Котов и Иван Семенов с товарищами, которые «учинили гиль», «завели челобитие на власти своих воровским составным умыслом, без нашего старостинского ведома», брали у крестьян подписи «неволею» и, придя на подворье, где они, старосты, остановились, велели им подписывать челобитие.¹⁹

Но с тех пор как старосты Артемий Конотопицкий и Федор Федоров скрылись, чтобы не подписывать челобитную, до момента, когда они сообщили о происходящем монастырским властям, прошло больше недели. Боясь возглавить движение за отделение от Иверского монастыря, старосты все же не сразу решились переметнуться на сторону монастыря. Во всяком случае их явно ложный донос на Шуровского и мирских людей датирован 17 октября, тогда как скрылись они ранее 9 октября.

Когда в Старой Руссе начались аресты челобитчиков, в монастырь стали поступать доносы на Шуровского и от некоторых других крестьян. Они утверждали, что Шуровской с товарищами якобы угрожали заключением в тюрьму и побоями со стороны воеводы Боборыкина тем, кто не подпишет челобитную.²⁰

Сам Шуровской и его товарищи категорически заявляли, что «по неволи де к той челобитной никто рук прикладывать не заставлял». Когда же старосты из Старой Руссы «выехали неведомо куды», оставшиеся там мирские люди избрали новых старост — Лариона Панфилова и Мокея Афонасьева, которые подписали челобитную. Затем ее «заручили» в земской избе попы и площадные подъячие. Бывшие старосты назвали по именам четырех попов, приложивших руку к челобитной.

9 октября челобитная была изготовлена, и ее надлежало отправить сейчас в Москву. Новые старосты и мирские люди вы-

и бобылишек Иверского монастыря на прикащика старца Иоиля с товарищи. Там же, № 41. — Челобитная Питириму была составлена не ранее ноября 1671 г., т. е. тогда, когда крестьяне узнали, что их челобитие царю об изъятии вотчины из ведения Иверского монастыря отвергнуто и рассматривается в Москве как бунтовщическое. Поэтому они писали сейчас, что «не прочили» великому государю околорусских погостов, а только жаловались на поборы Иверского монастыря. Однако все показания арестованных, челобитная монастыря царю и отписки из Москвы к представителям местной администрации говорят о противоположном.

¹⁹ Там же, № 115, сст. 2а (челобитная старост Артемия Конотопицкого и Федора Федорова царю; 17 октября 1671 г.).

²⁰ Там же, сст. 1а—2 и 2в (сказки крестьян дер. Козоны Панкрата Федорова и Исаа Фадеева соборным старцам Евстратию и Маркелу; 19 октября 1671 г.).

брали для этого Семена Шуровского, Никиту Котова, Ивана Семенова, Трифона Иванова и Федота Коншина. Старосты заявили у посадского человека Никифора Житкова 100 руб., из которых 30 дали на дорогу Семену с товарищами.

Кроме того, новые старосты наняли с ведома воеводы Боборыкина стрельца, который должен был провожать челобитчиков, «для того что они до Москвы дойдут ли и на дороги их где не поймают ли, чтоб им старостам о том назад ведомость учинить».²¹

Видимо, достать деньги и нанять стрельца удалось не сразу. Во всяком случае, челобитная была готова 9 октября, а к 15 октября мирские ходатаи еще не ушли из Старой Руссы.

III

Между тем монастырские власти не дремали и приняли контрмеры. Старорусские монастырские приказные старцы сообщили о происходящем архимандриту Феодосию, а этот последний написал новгородскому воеводе, князю И. П. Пронскому, что Семен Шуровской, Федул Губанов, Никита Котов и Иван Семенов с товарищами «учинили во крестьянех смуту большую и бунт», и просил арестовать их и доставить в Новгород «для подлинного розыскания и очных ставок».²² А 14 октября новгородский воевода отправил в Старую Руссу стрелецкого сотника Леонтия Аристова со стрельцами, отписав Боборыкину, чтобы он содействовал Аристову в выполнении его задачи.²³ Но Аристов донес из Старой Руссы, что Шуровского с товарищами он не нашел, что воевода Боборыкин не помог их отыскать и у себя их «не сказал».²⁴ Между тем сам Шуровской уверял, что, завидя новгородского стольника и стрельцов, делегация «ухорошилась к воеводе на двор и была у него на дворе трон суток, доколе их перепескали новгородские стрельцы в Русе».

Впоследствии Боборыкин отрицал, что у него укрывались челобитчики. Но как бы то ни было, Аристову не удалось их сыскать — и, уклонившись от новгородской и монастырской администрации, они сумели добраться до Москвы.

Не разыскав Шуровского и других инициаторов и вдохновителей челобитья, стольник Аристов начал арестовывать по деревням их родственников. При этом стрельцы и монастырские рассыльщики избивали и грабили крестьян. После октябрьского наезда Аристова крестьяне всех 11 погостов писали новгородскому митрополиту Питириму: рассыльщики и стрельцы «кресты с во-

²¹ Список допросных речей Семена Шуровского (см. выше).

²² Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 92, сст. 1 (архимандрит Феодосий — И. П. Пронскому; 12 октября 1671 г.).

²³ Там же, кор. 33, № 11 (список с наказной памяти стрелецкому стольнику Леонтию Аристову; 14 октября 1671 г.).

²⁴ Там же, № 1 (доношения Л. Аристова И. П. Пронскому; 20 октября и между 20 и 30 октября 1671 г.).

рота снимают и у женишек и у дочеришек наших серги из ушей вырывают, и домишка наши разоряют, и нас спрот твоих бьют и мучат до умертвия, бердыши и топорки секут; и многих битых и сеченых вкровы, привезав к лошадем на веревках будто полоняников, возят в Старую Русу на монастырской двор и сковав отсылают в Великой Новгород неведомо для чего».²⁵

Так был схвачен и уведен брат Федула Губанова, Григорий; при его аресте стрельцы и монастырские слуги «у женок взяли две чепочки и коробью разломали». Был схвачен и уведен и сын Никиты Котова, Иван.

Весть об этих арестах и грабежах быстро распространилась по деревням, причем старорусские стрельцы вместе с самими крестьянами выступают в роли информаторов. А один из старорусских стрельцов, Антон Пискулин, говорил встречным крестьянам, что они должны «прихорониться», а «будет учнут имать и вы де не давайтесь и их (новгородских стрельцов, — А. Ш.) бейте».²⁶

Наряду с родственниками главных организаторов челобитной аресту были подвергнуты и некоторые другие крестьяне, на которых указывала монастырская администрация. Арест одного из них — жителя деревни Вороново Чертицкого погоста Ивана Захарьева — привел к настоящему побоищу.

Иван Захарьев был предупрежден об арестах, но «прихорониться» не успел. Когда стрельцы схватили его, сбежались соседи. По уверению Аристова и монастырских слуг, крестьяне вышли не только с дубем и топорами, но и с пищалями и бердышами. Они гнали стрельцов и монастырских слуг от деревни через поле до леса, избивая их и угрожая перестрелять. У стрельцов и рассыльчиков были засвидетельствованы «битые места», ссадины и кровоподтеки.

Иван Захарьев отрицал, что у крестьян были пищаля, но признал, что они стрельцам и монастырским рассыльщикам «имать не дались и с ними дрались».²⁷ Отбить Ивана Захарьева так и не удалось, но после инцидента в деревне Вороново Аристов не решился вновь посылать в вотчину Иверского монастыря стрельцов, так как крестьяне «во всем чинятся сильны».

Ожидая результатов своей челобитной, крестьяне не подчинялись и монастырским властям. Наместник Иверского монастыря жаловался царю на то, что старорусские погосты «отложились» от своего владельца и к себе «никого не пускают».²⁸

²⁵ Челобитная митрополиту Питириму (см. выше).

²⁶ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 111, сст. 1 (список с допросных речей Кондратия Федорова; не ранее октября 1671 г.).

²⁷ Там же, кор. 33, № 115 (доношение Л. Аристова И. П. Пронскому; 20—30 октября 1671 г.); кор. 30, № 111, сст. 1 (список с допросных речей Ивана Захарьева).

²⁸ Об этом монастырь писал в челобитной царю. См.: там же, кор. 33, № 30 (копия указа Алексея Михайловича новгородскому воеводе И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 11 ноября 1671 г.).

Между тем Семен Шуровской с товарищами добрались до Москвы и подали «заручную челобитную» в Посольский приказ думному дворянину Артамону Сергеевичу Матвееву. Матвеев арестовал челобитчиков, прочитал им государев указ, чтобы они «жили по-прежнему за Иверским монастырем во крестьянстве», а затем приказал их «бить батоги» и выдать монастырскому стряпчему московского Иверского подворья.

Монастырские власти вынудили Семена Шуровского с товарищами подать «повинную», к которой за них приложил руку поп Зимнегорского яму Фомище Иванов. В этом документе говорится, что старорусские крестьяне писали челобитную о возвращении во владение царя «по повелению и научению» Ивана Боборыкина, что они били челом «Иверского монастыря на властей неправедно» и что они просят царя «сирот своих в том простить».²⁹

Крестьяне, подписавшие повинную, в действительности не считали себя в чем-либо виновными. Когда Шуровской вышел из-под ареста, он вновь организовывал челобитную об отписке старорусских погостов у Иверского монастыря. А посадские люди старорущане писали царю, что монастырские приказные старцы насильно заставили крестьян «принести повинную челобитную».³⁰

IV

Стараясь обелить крестьян от обвинений монастыря, посадские люди явно хватили через край. Они уверяли, что у старорусских монастырских крестьян «смуты и бунту никакова меж собою не бывало», тогда как через полтора месяца после составления челобитной об отнятии старорусских погостов у Иверского монастыря неповиновение крестьян привело к еще более серьезным, чем в октябре, столкновениям.

Главным очагом недовольства в поябре 1671 г. оставался Чертицкий погост, в котором сейчас выдвинулись новые вожаки. 30 ноября монастырские власти писали новгородскому воеводе, что крестьяне Чертицкого погоста Карп Мартемьянов и Ларион Панфилов с товарищами «чинят в ыных во всех погостех во крестьянех смуту большую и заказывают платить» государевы подати и монастырские оброки. Монастырские власти добивались повторной посылки в Старорусский уезд стрельцов и новых арестов.³¹

²⁹ Там же, кор. 30, № 30, сст. 1а—2а («повинная»; не позднее 14 декабря 1671 г.).

³⁰ Там же, № 90, сст. 3—4 (грамота царя боярину И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 27 января 1672 г.).

³¹ Там же, № 65, сст. 8 (монастырские власти — И. П. Пронскому; 30 ноября 1671 г.).

Немедленно из Новгорода были отправлены пристав Иван Савельев и около 40 стрельцов и казаков. Захватив с собою монастырских слуг и понятых, Савельев прибыл в деревню Малое Учно. Так как Карпа Мартемьянова дома не оказалось, были арестованы его жена и сын Терентий. При этом их избili «и животы все ограбили без остатку».

Затем Савельев отправился в Большое Учно. Здесь его уже встречали на улице крестьяне с дубьем, рогатинами и пищалями.³² Пристав «сказал им государев указ» и велел монастырскому рассыльщику указывать, кого надлежит арестовать. Рассыльщик указал на Владимира Воробьева и его сына. Но когда их схватили и связали, «мужики их отбили». Началось побоище, во время которого Савельеву расшибли дубиной голову. Попало и стрельцам. Среди крестьян тоже были раненые: у Владимира Воробьева оказалась проколота рогатиной рука и обнаружены следы ударов обушками. Были ранены и другие крестьяне. Владимира Воробьева стрельцам так и не удалось арестовать, но они захватили его сына Тимофея и крестьянина Федора Кирилова.³³

Попавшие «за караул» в Новгородскую приказную избу крестьяне испытывали тяжелые лишения и подвергались истязаниям и пыткам. Арестованные еще в октябре сотником Аристовым шестеро крестьян писали в конце ноября, что, сидя «под приказной» шестую неделю, они «помирают голодом».

Государевы крестьяне рядка Ужин, расположенного возле старорусской пверской вотчины, а также старосты и крестьяне Коростенского и других погостов, новгородские конные казаки и стрельцы Новгородского и Московского приказов взяли арестантов на поруки и дали ручательство в том, что они не уйдут никуда из Новгорода и предстанут перед воеводой и дьяком по первому требованию.³⁴

Вместо выпущенных арестантов «под приказную избу» были посажены крестьяне, схваченные в Чертицком погосте во время ноябрьских событий. Как мы знаем, это были не активные участники волнений, а их родственники. Но и они держались стойко, не давали нужных монастырю показаний и никого не выдавали.

Тогда по ходатайству преподобных старцев новгородский воевода подверг арестованных пытке. Их жгли клещами, избli-

³² Одна отнятая у крестьян пищаль была предъявлена Савельевым в качестве вещественного доказательства. Таким образом, не приходится сомневаться в том, что у отдельных старорусских крестьян было огнестрельное оружие. Но во время столкновения оно не было пущено в ход.

³³ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 65, сст. 15—16, 21—23, 25—28, 30 (доезжая память пристава И. Савельева воеводе И. П. Пропскому и дьяку Е. Воробьеву, 3 декабря 1671 г.; допросные речи пристава И. Савельева и стрельцов; отписка И. П. Боборыкина И. П. Пропскому, 2 декабря 1671 г.; допросные речи арестованных крестьян, 4 декабря 1671 г.).

³⁴ Там же, кор. 33, № 34 (челобитная арестованных об отдаче их на поруки; поручные записи 23—28 ноября 1671 г.).

вали и лили им на голову воду. Но и показания, полученные с пытки, не удовлетворили воеводу и монастырские власти, и 7 декабря велено было доставить в Новгород «для подлинного сыску» старых и новых старост 11 старорусских погостов и ряд других крестьян.

В декабре в Новгород были также доставлены Семен Шуровской и его товарищи. Монастырские власти не были удовлетворены тем, что в Москве их били батогами. По настоянию монахов в Новгороде Шуровского и других крестьян, отвезивших в Пособольский приказ челобитную, подвергли истязанию кнутом.³⁵

Но и после столь жестокой расправы с зачинщиками старорусские крестьяне не прекратили сопротивления. 27 января 1672 г., т. е. через четыре месяца после начала волнений, в адресованной новгородскому воеводе государевой грамоте было сказано, что старорусские крестьяне «мятутся и бунтуют» и «наших государевых и их монастырских никаких податей не платят, чинятся непослушны и в вотчины никого не пускают». Новгородскому воеводе вновь было приказано привести крестьян в покорность монастырю.³⁶

V

Старорусские крестьяне, посадские люди, монастырская администрация и воеводы Старой Руссы и Новгорода единодушно считали инициатором волнений Семена Шуровского. Монастырские старцы говорили, что «Сенька Шуровской и все крестьяне училились непослушны», что Сенька Шуровской с товарищами «взбунтовали крестьян». А сами крестьяне, отвергая обвинения в бунте, признавали, что Шуровской с товарищами «заводили» челобитную царю.

Семен Степанович Шуровской выделяется своими бунтарскими настроениями, энергией и силой воли. Он особенно петерпим к феодальному гнету и умеет увлекать за собою других. Арест, батоги и кнут не заставили его смириться, и через два года после подавления волнений он затевает новое выступление против Иверского монастыря и готовит челобитную царю о конфискации у монастыря старорусских вотчин (на сей раз речь шла о двух погостах: Славитинском и Должинском).

И на этот раз Шуровской выступает как человек, которого ценят и за которого готовы постоять крестьяне. И когда в январе 1674 г. дворянин Иверского монастыря арестовывает его, крестьяне отбивают Шуровского и помогают ему уйти от репрессий. Интересно, что дворянину помешали схватить Шуровского

³⁵ Там же, кор. 38, № 33 (челобитная крестьян Иверского монастыря царю; 15 июля 1673 г.). — Монастырь добился также патриаршего приказа о «смирении» священников, которые «заручили» за крестьян челобитную.

³⁶ Там же, кор. 30, № 90, сст. 3—4 (грамота царя новгородскому воеводе И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 27 января 1672 г.).

крестьяне, принадлежавшие не Иверскому монастырю, а другим владельцам.

И снова «прежний вор и бунтовщик» Шуровской возбуждает острое беспокойство монастыря. Из Старой Руссы идут срочные донесения в Валдаи, а из Валдая — приказания на московское подворье, чтобы «ево Сеньку на Москве, буде объявитца поймать, а поймав прислать в монастырь сковав».³⁷

Главными зачинщиками «смуты», наряду с Семеном Шуровским, власти считали Федула Губанова, Никиту Котова, Ивана Семенова, а активными ее участниками — Ивана Захарьева, Карпа Мартемьянова и Лариона Панфилова. О месте жительства и об имущественном положении некоторых из этих вожаков мы располагаем сведениями благодаря тому, что до нас дошла вотчинная переписная книга 11 старорусских погостов Иверского монастыря, составленная в 1669 г., т. е. за два года до волнений. Книга дает нам возможность судить о размерах тягла, выраженных в долях выти. В ней определено также, относится ли двор к категории «прожиточных», «прожитком нарочитых», «средних», «скудных», «гораздо скудных», бобылей или захребетников.

Размерами тягла определялась доля наделной земли, которую получал двор, и доля всех падавших на погосты владельческих и государственных повинностей, которые двор должен был отбывать. При этом среднее дворовое тягло было в старорусских погостах ниже осминки выти (точнее, оно равнялось 0.109 выти).

Размеры тягла устанавливались в соответствии с «семьянистостью и прожиточностью» хозяйства. Но полного соответствия между тяглом и категорией по прожиточности не было. Некоторые «прожиточные» были обложены меньшим тяглом, чем «средние», а некоторые «средние» — меньшим тяглом, чем «скудные». Такое несоответствие говорит о хозяйственной неустойчивости крестьянских дворов.³⁸

Мы, к сожалению, не можем сейчас сказать, какое количество наделной земли полагалось на осминку тягла. Но мы знаем, что в разных погостах это количество было различным. Если бы вся числившаяся по писцовым книгам пахотная земля была поделена по тяглу, в Петровском погосте на осминку пришлось бы по 21, а в Славитинском погосте по 21³/₄ десятины в трех полях. Хотя после составления писцовых книг земли, очевидно, расчищались от леса, фактические наделы не достигали 20 десятин на осминку, так как часть пахотной земли лежала «в пусте», а часть сдавалась в аренду (на оброк).

³⁷ Там же, кор. 40, № 1, сст. 27 (доношение старца Иоиля казначею Афанасию; 28 января 1674 г.).

³⁸ А. Л. Шапиро. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII—первой половины XVIII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 года, М., 1961, стр. 56.

В Чертицком погосте пригодной для пашни земли было гораздо меньше, чем в Петровском или Славитинском. Если бы вся учтенная писцовыми книгами пахотная земля была распределена по вытям, на осминку пришлось бы там только $8\frac{1}{4}$ десятины. Фактически же наделы, вероятно, были здесь меньшими. Как видим, одни и те же повинности, падавшие на осминку тягла, приходилось в Чертицком погосте «отягивать» со значительно меньшего надела, чем в Петровском. Этим отчасти объясняется то, что самые острые столкновения в 1671 г. происходили именно в Чертицком погосте. Впрочем, следует учесть, что расположенный на берегах Ильмень-озера Чертицкий погост имел сравнительно большие доходы от рыболовства. Были здесь также хорошие заливные луга.

Некоторые крестьяне, положенные в осминку вытного тягла, имели по три лошади и по две коровы. Но так было далеко не всегда. Известны случаи, когда дворы, тянувшие с осминки, имели меньше или больше скота.

После этих общих замечаний отметим, к каким группам крестьян принадлежали вожаки волнений и каково было их имущественное положение.

Семен Шуровской был крестьянином дер. Остров Славитинского погоста. Судя по переписной книге 1669 г., он жил вместе со своим отцом и имел двух сыновей (восьми и пяти лет). Двор числился прожиточным и положен был в тягло, несколько превышающее среднее дворовое тягло по вотчине (одна осминка). Остров, где жил Шуровской, — это трехдворная, лежащая на маленькой речушке Шапта деревенька, удаленная от Старой Руссы и захолустная.³⁹

Федул Елизарьевич Губанов был крестьянином дер. Звоз Петровского погоста. Он жил с братом и в 1669 г. не имел сыновей. Двор братьев числился «прожитком нарочитым» и был положен в две осминки тягла. Деревня Звоз насчитывала 9 дворов, лежала поблизости от Старой Руссы и была связана с городом рекой Полисть.⁴⁰

Иван Семенов был из дер. Глушица, расположенной возле Старой Руссы. В 60-е годы он пришел из Коростынского погоста. По книге 1669 г., в семье Ивана Семенова был один взрослый и один малолетний сын. Двор был положен в сравнительно большее тягло ($1\frac{1}{2}$ осминки), хотя числился «средним». ⁴¹ Когда в начале 70-х годов Боборыкин «отказал» Глушицу от монастыря, Иван Семенов записался в Старорусский посад, а это удавалось сделать только зажиточным крестьянам.⁴²

³⁹ Архив ЛОИИ, ф. 181, кн. 52, л. 124.

⁴⁰ Там же, лл. 12 об.—13.

⁴¹ Там же, л. 15 об.

⁴² Там же, кор. 38, № 33 (челобитная старорусских крестьян на царское имя; позднее 15 июля 1673 г.).

Наиболее полные сведения мы имеем о хозяйстве крестьянина Чертицкого погоста Карпа Мартемьянова. В 1669 г. с Карпом проживали его семейный сын и зять. Кроме трех взрослых мужчин, в хозяйстве было два мальчика (15 и 12 лет). Таким образом, вместе с женщинами во дворе было около 10 человек. Двор числился прожиточным, хотя «тянул» с одной осмишки. Как мы знаем, этому тяглу в Чертицком погосте вряд ли соответствовало более $8\frac{1}{4}$ десятины в грех полях. В хозяйстве, следовательно, было не больше 1.65 десятины пахотной земли на душу мужского пола. Наделенность же скотом была очень высокой. В хозяйстве было четыре лошади, 10 голов крупного рогатого скота, шесть овец и восемь свиней.⁴³

Другие активные участники волнений, о которых удалось найти сведения, относились к разряду «прожиточных» и «прожитком нарочитых» и «тянули» с 1—3 осминок с двора.⁴⁴ Ни одного «скудного» крестьянина, ни одного бобыля или захребетника среди вожakov волнений в Старорусском уезде мы в 1671 г. не встретили.

В 1671 г. с осмишки сходило «денежного платежу на год в оброк и во всякия мирския подати по 8 руб. 50 коп.», по $8\frac{1}{2}$ четвериков ржи и по $8\frac{1}{2}$ четвериков овса.⁴⁵ Таковы были размеры платежей двора Шуровских. В то же время с двора Губановых сходило 17 руб. и по 17 четвериков ржи и овса, а с участников восстания, «тянувших с 3 осмаков», — даже по $25\frac{1}{2}$ руб. и по $25\frac{1}{2}$ четвериков ржи и овса. Во всех случаях, когда мы можем подсчитать размеры повинностей, падавших на дворы наиболее активных участников волнений, они оказываются выше среднего размера повинностей, падавших в 1671 г. на все крестьянские дворы 11 старорусских погостов. (В среднем приходилось по 7 руб. 41 коп. и по 7.4 четвериков ржи и овса на двор).

Среди активных участников волнений были жители близких к городу или связанных с городом удобными путями поселений, были и жители захолустных деревень; были жители мелких и более крупных деревень.

Когда движение приобрело более острые формы и переросло в прямые схватки со стрельцами и монастырской администрацией, размеры поселений стали оказывать существенное влияние на характер борьбы. Наиболее активные схватки происходили в Чертицком погосте, для которого характерны многодворные деревни. Так, в дер. Вороново, где крестьяне в октябре вступили в бой со стрельцами, было 15 дворов, а в дер. Большое Учно, где происходило побоище со стрельцами и казаками в ноябре.

⁴³ Там же, кор. 24, № 21 (1669 г., май—июль).

⁴⁴ Там же, кн. 52, лл. 212, 213, 215—217, 220—221 об.

⁴⁵ Там же, кор. 30, № 154 (дело по челобитью погорельца Кирила Петрова из дер. Сельца Должинского погоста; 8 апреля 1671 г.).

было 19 дворов. Крестьянин Иван Захарьев показал на допросе, что встретивший его во время октябрьских волнений крестьянин из дер. Заднее Учно Кондратий Федоров, рассказав об арестах и грабежах новгородского сотника и стрельцов, добавил при этом, что крестьяне больших деревень не даются.⁴⁶

Волнения старорусских крестьян 1671 г. еще раз подтверждают, что сельская община, уже превращенная к XVII в. в фискально-полицейский крепостнический орган, использовалась в то же время крестьянами для организации борьбы против угнетателей.⁴⁷ Мирские сходы, выбор новых старост, отправка миром челобитчиков в Москву — все это были привычные формы стародавней общинной организации крестьян, использованные сейчас для борьбы с Иверским монастырем.

VI

Волнения старорусских крестьян 1671 г. нельзя отнести к ряду крупных выступлений феодального крестьянства. Это заурядные волнения, каких было тогда — и особенно во время Крестьянской войны — много. Волнения старорусских крестьян интересны именно своей заурядностью. А сравнительно хорошая сохранность источников позволяет вскрыть некоторые типические черты, присущие и многим другим крестьянским волнениям XVII—XVIII вв.

Основной причиной волнений старорусских крестьян являлось увеличение размеров повинностей. Было бы неверно автоматически выводить степень народного возмущения из размеров феодальных повинностей. Часто бывало так, что подвергавшиеся особенно жестокой эксплуатации крестьяне оставались не втянутыми в движение, а их менее эксплуатируемые собратья вели активную борьбу. Но новое увеличение размеров повинностей, и особенно их увеличение сверх установленной по взаимному соглашению нормы, часто способствовало возбуждению недовольства феодальных крестьян.

Для психологии старорусских (и не только старорусских) крестьян характерна особенно болезненная реакция на «незаконные» поборы, даже если они невелики. Что значили 3¼ коп., которые незаконно взымались сверх установленного сбора на жалованье ратным людям, по сравнению с 8 руб. 50 коп., которые приходилось в 1671 г. платить с осминки тягла? Но именно эти 3¼ коп. послужили поводом для первой жалобы Шуровского, отражавшей возмущение всех крестьян и приведшей затем к столь серьезным событиям.

⁴⁶ Там же, кор. 33, № 1, сст. 8 (допрос 18 октября 1671 г.).

⁴⁷ А. Л. Шапиро. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. Уч. зап. Саратов. гос. ун-в., т. 1 (XIV), 1939, стр. 71—74.

Широкому вовлечению крестьян в борьбу способствовало то, что в их представлении движение протекало в легальных формах. Челобитная составлялась с благословения воеводы, отказ от выполнения повинностей оправдывался распоряжением того же воеводы, переданным через стрельца. Даже противодействие аресту зачинщиков движения крестьяне объясняли тем, что какой-то старорусский стрелец «им даватца не велел и велел отбиватца».⁴⁸

Конечно, далеко не всегда крестьяне XVII—XVIII вв. удерживались в рамках легальности. Но ясного представления о том, что закон направлен против них, у них не было. Надежда на законные средства коренного улучшения своего положения была присуща самым широким народным массам.

Для идеологии крестьян XVII в. было характерно возникшее гораздо раньше стремление найти себе сильного защитника и покровителя. Эта сложившаяся еще в период феодальной раздробленности и феодальных войн черта сохраняется и в феодальном централизованном государстве. Старорусские крестьяне искали защиты от насилий своего владельца у патриарха Никона, у новгородского митрополита, у старорусского воеводы и, конечно, у Алексея Михайловича.

В нашей литературе много и справедливо говорилось о наивном монархизме крестьян. Нужно говорить о наивной вере и в других представителей светской и церковной власти. На тех представителей власти, от которых они особенно страдали, крестьяне искали управу у людей починовнее, повлиятельнее и сильнее. Такого защитника они прежде всего видели в лице царя. Но им мог быть и патриарх. Хорошо известно, что Степан Разин использовал эту потребность крестьян в сильном покровителе, когда выступал не только от имени царевича Алексея Алексеевича (умершего до восстания), но и от имени Никона.

Переход движения от челобитной и отказа выполнять повинности к насильственным действиям против стрельцов и казаков произошел после попыток арестовать зачинщиков движения. Когда власти стали хватать, вязать и уводить людей, которые думали и действовали так же, как другие крестьяне, эти последние взялись за дубье и топоры. И тут уже не помогало то, что аресты производились от царского имени и по царскому указу. Резкое возбуждение масс в результате попыток арестовать «зачинщиков» не являлось особенностью волнений старорусских крестьян. Оно было типично и для других крестьянских волнений феодально-крепостной эпохи.

Особо следует остановиться на расстановке классовых сил в волнениях старорусских крестьян. На первый взгляд она пред-

⁴⁸ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 111, сст. 1 (список с распросных речей крестьянина Кондратия Федорова; 18 октября 1671 г.).

ставляется ясной и простой: на одной стороне эксплуатируемые крестьяне, на другой — их эксплуататоры: Иверский монастырь и аппарат феодального государства. Но за этой ясностью и простотой нетрудно разглядеть осложняющие обстоятельства и специфические особенности времени. Сравнительно меньше они отражаются на позициях крестьян. Внутриклассовые противоречия еще никак не проявляются в событиях 1671 г. в Старорусском уезде. А расхождения между сторонниками и противниками продолжения борьбы, которые возникают уже в первые дни составления челобитной на царское имя, никак невозможно объяснить имущественным положением участников волнений. Мы видели, что во главе движения не было скудных и бобылей, а прожиточные проявляли такую же стойкость, как «средние». Я не хочу сказать, что так было всегда в XVII в. Но во многих волнениях было так же, как в Старой Руссе.

Крестьяне были стойки в своей борьбе и солидарны друг с другом. Но ясности в понимании того, кто является их подлинным врагом и кто другом, у них не было. Надежды на власть имущих были, как мы видели, еще очень сильны.

Посадские люди Старой Руссы сочувствовали движению крестьян за возвращение 11 соседних погостов в непосредственное владение государю. Для этого у посадских людей были веские основания. Иверский монастырь был самым сильным и самым опасным феодальным противником старорусского посада. Он не только отнимал у города принадлежавшие ему угодья, но и завладел рядом соляных варниц, конкурировал с посадскими солепромышленниками, не разделяя с ними все бремя государева тягла, не позволяя своим крестьянам записываться в посад и причинял городу множество других бед.

В то же время посадские конфликтовали с крестьянами, добивались монополии на городскую торговлю и промыслы, стремились сковать крестьян ростовщической кабалой и кабальными подрядами. Бывали случаи, когда крестьяне искали защиты у монастыря, ведя борьбу с посадскими людьми. Но в 1671 г. было иначе. Надеясь избавиться от неприятного соседства Иверского монастыря, посадские люди субсидировали подачу крестьянской челобитной, обеляли крестьян в глазах царя, опровергали жалобы монастыря на крестьянскую смуту и поддерживали в крестьянах веру в победу.

Представители господствующего класса энергично действовали, стремясь парализовать сопротивление крестьян. Но если новгородский воевода подвергал челобитчиков наказанию кнутом, то старорусский воевода сам подговаривал подать челобитную. И. П. Боборькин готов был использовать крестьян, враждующих с Иверским монастырем. Да и Никон промолчал и ничего не сообщил правительству, когда к нему прибыли посланцы от Степана Разина.

Процесс классового размежевания продвинулся от начала XVII в. к 70-м годам. Но не все представители господствующего класса готовы были забыть свои внутриклассовые противоречия, чтобы совместно действовать против мятежного крестьянства.

Следует также учитывать специфические интересы феодального государства, которые не всегда и не во всем совпадали с частными интересами самих феодалов. Когда И. П. Боборыкин защищал посадских людей и государственных крестьян от наступления Иверского монастыря, он несомненно исходил из интересов государственной казны и даже поддержку челобитья об отнятии старорусских вотчин у монастыря оправдывал интересами фиска. Это нужно учитывать, чтобы понять, почему центральное правительство, полностью поддерживав Иверский монастырь в борьбе с крестьянами, долго не отстраняло Боборыкина с поста воеводы. Несмотря на все обвинения, которые ему предъявляли монастырские власти, И. П. Боборыкин еще оставался на своем посту в 1672 г. Не сразу Иверский монастырь добился и возвращения отписанных у него Боборыкиным деревень и пустошей.

В 1674 г. сменивший Боборыкина Михаил Травин переслал новгородскому воеводе П. В. Шереметеву челобитную старорусчан — посадских людей, которые доказывали, что осуществлявшееся в тот момент отнятие у города и возврат монастырю деревень и пустошей противоречит Соборному уложению и строеным книгам. Но боярин Шереметев не захотел ссориться с иверскими властями из-за каких-то посадских людей. Отругав площадной бранью челобитчиков, он заявил, что мужики Ивана Боборыкина «с ума збили и душу ево в грех ввели и погубили». Шереметев заявил, что мужикам не удастся проделать с ним то, что сделали с Боборыкиным.⁴⁹

Полная победа монастырских интересов не означала, что конфликт между феодалами и конфликты отдельных феодалов с аппаратом феодального государства не будут отражаться на последующих крестьянских волнениях. Но чем дальше, тем более спящим и настороженным будет господствующий класс в борьбе с угнетенным крестьянством.

⁴⁹ Там же, кор. 40, № 5, лл. 92—97.